

ДОМИК ПУШКИНА В МОСКВЕ

Мне как-то пришлось описать домик во Франкфурте-на-Майне, где родился Гете. Вскоре я получил из Москвы письмо, где сообщается о домике в Первопрестольной, где родился Пушкин. Письмо так кратко, выразительно и обстоятельно, что позволю себе привести его,— тем более, что оно писано студентом, и притом техником. Так как интереса теперешних студентов к Пушкину никто не предполагает, то письмо прочтется с двояким и удвоенным любопытством. «Недавно я прочел вашу статью о домике Гете. И мне сейчас же пришло сравнение: состояние этого домика, так оберегаемого немцами — с тем домом, где родился наш русский Гете, Пушкин. Мне, как студенту Московского технического училища, каждый день приходится видеть этот дом. Он стоит на Немецкой улице (в Лефортовской части? *B. P.*). И вот чуть ли не в той самой комнате, где появился на свет будущий поэт, гордость нашей родины, там помещается мастерская сапожника. Что это, издевательство или какое-то преступное отношение перед памятью дорогого для России человека? Ведь там (не где-либо, а именно там, т. е. вот в этой комнате, где родился Пушкин) надо устроить музей или что-либо, посвященное его памяти; и во всяком случае сделать так, чтобы эта комната не сдавалась внаем... Что же смотрит Академия, Пушкинский Лицей и друг.? Следовало бы обратить на это внимание в печати, сопоставив отношение нас, русских — к своему писателю, и хотя бы немцев — к Гете».

Что же сказать? «Некому вспомнить», «некогда вспомнить». Все «текущие дела» у каждого. И у Академии, и у «Пушкинского» лицея... Ах, эти «текущие дела»: хоть бы они единовременно, ну, по крайней мере, на несколько дней, проваливались

все к черту: и тогда мы, освободив душу в «беззаботность», вспомнили бы сразу все важные дела, о которых при «текущей суете» решительно невозможно никому вспомнить. Полагаю, что и студент-техник оттого вспомнил о домике Пушкина, заприметил его, даже вошел внутрь и рассмотрел там мастерскую сапожника, что он давно отлынивает от лекций, и про себя, в душе, «забастовал» от техники, политики,— и украдкой читает стишки... Ах, эта ученическая лень: она имеет свою прелесть. Как начнешь лениться, так чему-нибудь и научишься. Так, тоже «bastua» от лекций греческого языка немца Шварца, я, помню, выучил почти наизусть всего Лермонтова в университете...

«Кому вспомнить?»... А в самом деле — кому? Мне кажется, у нас пребывает «в лежачем положении» один изумительный человек и даже целая компания изумительных людей. Это не та «теплая» или «темная компания», о которой превирались в Г. Думе: это — золотая компания, благочестиво издающая «Старые годы», воспроизводящая в изумительных снимках умирающие реликвии Руси, вероятно почти разорившаяся на издании, без сомнения никем не поддерживаемая из тех «теплых» и «темных» компаний, которые «княжат и володеют» Русью и русскими делами, и проч., и проч., и проч. Ну, вот ей и надо сказать:

— Встань, спящий!

— И зри, и храни!

— И имей власть на это! Имей право «veto», когда дело идет о разрушении; и право — приказать, в пределах некоторого небольшого ассигнования, что-нибудь реставрировать, хранить и проч.

Знаю, знаю, что у нас есть какая-то «комиссия», которой поручено «охранять»: но ведь у нее конечно завелись «текущие дела», и она от них не может же оторваться к домику Пушкина, да, кроме того, этой комиссии конечно дана «инструкция» и, может, целый «устав», где 1) перечислено подробнейшим образом, что именно она должна «охранять», а через это, косвенно, ей и «запрещено» касаться вещей, в перечень не вошедших, и 2) указаны способы охранения, т. е. «отнести к губернатору» или «обратить внимание епархиального архиерея». Конечно,— в «предмет» охранения вошли церкви, монастыри, иконы, «градские» каменные стены времен боярства и татарщины: а о «домиках, где рождались», например, поэты, ученые, замечательные деятели, должно быть, не упомянуто. «Нельзя всего вспомнить»... Но, я думаю, «вспомнит» тот, кто любит и свободен. Т. е. любит и трудится без «устава» и «инст-

рукций». Такова-то и есть благочестивая компания «Старых годов».

Ну, вот, взамен возни со всякими академиями и лицеями, ей и следует сказать краткое прутковское:

— Бодрствуй!

И как домик Пушкина в Москве, так и прелестный домик Лермонтова в Пятигорске, где он жил и создал великие свои creation, где сохранились в том самом виде все комнатки, весь сад (небольшой), с старыми, вековыми деревьями, которые знал и любил поэт,— все это будет бережно и умною рукою как бы поставлено под стеклянный колпак, для любви и поклонения потомства.

Это — нужно. Этому — время.

1911 г.